

ПЕРЕПИСКА КН. Д. И. ДОЛГОРУКАГО

Кн. М. И. Долгорукой брату.

— Флоренція, 1 Іюня 1826 года.

Будучи вѣренъ данному обѣщанію, пишу тебѣ, милый другъ, чрезъ двѣ недѣли послѣ твоего отъѣзда и адресую письмо въ канцелярію Посольства, гдѣ, надѣюсь, позаботятся о томъ, чтобы переслать ихъ тебѣ. Ты уже въ Парижѣ! Ты ужъ видѣлъ Пери, кузину, моего любимца „Петикашку“!! Сколько радостей, сколько наслажденій для души!! Съ величайшимъ нетерпѣніемъ буду ждать отъ тебя извѣстій; ты сможешь сообщить мнѣ множество любопытныхъ вещей—только ради Бога не будь лакониченъ.—Что касается меня, то я скажу тоже, что сказалъ тотъ старикъ, которому нянька, чтобы досадить, плохо приготовляла постель: я начинаю привыкать. Но мнѣ все таки лучше, благодаря лѣченію доктора Несполи; знаешь, вѣдь у меня очень искусный врачъ, скажи, пожалуйста, знаменитому Альбини, что самое простое средство, прописанное Итальянцемъ, помогло мнѣ гораздо больше, чѣмъ всѣ лѣкарства Его Превосходительства. Дней черезъ десять я надѣюсь покинуть свое убѣжище и освѣжиться ливорнскими купаньями; въ Луккѣ начнется купальный сезонъ, и „если тамъ соберется подходящее общество“, я наверстаю потерянное время.

Кранъ навѣстилъ меня черезъ 24 часа послѣ твоего отъѣзда, и мое письмо было прекрасно принято. Ты знаешь, что я подъ этимъ подразумѣваю. Семейство Д. окончательно отказалось отъ поѣздки въ Россію и поѣдетъ очаровывать скучающаго старика на купаньяхъ въ Луккѣ. Б. ѣдутъ въ Ливорно, тѣмъ не менѣе гр. В. всегда загляды-

ваетъ далеко впередъ, и нареченный долженъ пріѣхать во Флоренцію послѣзавтра. Развязка будетъ любопытная. Спектакли и танцевальныя вечера у г-на Демидова продолжаются, а каждую среду бываютъ собранія у министра Сардиніи. Все это извѣстно мнѣ по слухамъ. Вотъ и всѣ послѣднія новости, милый мой. Еще разъ благодарю тебя за книги, присланныя изъ Рима черезъ нѣсколько дней послѣ твоего отъѣзда; это цѣнное пріобрѣтеніе и хорошее добавленіе къ моей библиотекѣ. Я получилъ также нѣсколько запечатанныхъ пакетовъ.... можно мнѣ открыть ихъ? Маленькій альбомъ, который я нашелъ среди книгъ, очень хорошъ и я прошу у тебя позволенія его присвоить. Оба письма изъ Генуи очень занимательны,—есть что то классическое въ томъ, что ты пишешь о республикѣ, а описаніе генуэзскихъ развалинъ дѣйствительно захватывающе.... Думаю, что размолвка не будетъ имѣть послѣдствій, но все таки она должно быть была серьезная—„дураки и дѣти несносныя часто люди“.—Ты сообщишь мнѣ причину ссоры, потому что мнѣ не мѣшаетъ это знать.

Сегодня утромъ я получилъ письмо отъ тетушки, сестра не можетъ написать, потому что взволнована состояніемъ здоровья сына Мишеля, который захворалъ. Тетушка увѣряетъ, что опасности нѣтъ никакой. Затѣмъ она сообщаетъ подробности о тяжбѣ изъ за наслѣдства семейства Ефимовскихъ. „Полицію звали не разъ“, а до сихъ поръ еще не пришли ни къ какому рѣшенію. Кн. Елена Голицына окончательно рѣшила ѣхать въ Карлсбадъ, и ѣхать скоро. Письмо тетушки помѣчено 26-мъ Апрѣля нов. ст., т. е. написано раньше послѣдней нашей оказіи. Вотъ что она пишетъ о твоёмъ назначеніи о которомъ узнала изъ газетъ: „Признаюсь, что переходъ брата Вашего изъ Рима въ Мадридъ мнѣ вовсе не нравится, не нравится также и климатъ Испаніи, и сами Испанцы, и городъ, гдѣ ему придется жить. Бѣдный Дмитрій, его ожидаетъ только скука, и никакого удовольствія. Я желалъ бы, чтобы онъ ухитрился сдѣлать такъ, чтобы жить вмѣстѣ съ нами. Скажите что старая тетушка несетъ околесицу, скажите, кому угодно, это тѣмъ болѣе вѣрно, что таково мое мнѣніе и что мнѣ очень жаль бѣднаго *Митеньку*, таково вѣяніе времени. Во всемъ, что они говорятъ о климатѣ и о странѣ, есть доля правды, но что касается служебнаго поприща, образовательнаго значенія и особыхъ преимуществъ этого перемѣщенія—то все это заставляетъ желать этого перемѣщенія. Что касается меня, то отъ души желаю тебѣ счастья, достойный другъ мой, каково бы ни было это счастье. Да поможетъ тебѣ Провидѣніе и да направитъ тебя на должный путь. Скажи любезной Пери, милому другу, что я вручаю тебя ея заботамъ, а этого доста-

точно, этимъ все сказано. Прощай. Черезъ недѣлю напишу еще. Мое почтеніе графинѣ, нѣжно цѣлую дѣтей. Привѣтствую гр. Боссомброни и шлю наилучшія пожеланія мадемуазель Лизѣ. Какъ обстоятъ дѣла съ моими порученіями? Поклонись Голицынымъ. Катенька здорова. Всѣ письма изъ Москвы были присланы съ Шереметевымъ, который отправился гонцомъ въ Петербургъ.

Флоренція, 25 Мая/6 Іюня 1826 года.

Сегодня переписка такъ меня утомила, дорогой мой, что я готовъ былъ отложить сегодняшнее письмо, если не побоялся тебя разсердить. Кромѣ того ты, можетъ быть, недолго останешься въ Парижѣ, и тогда запоздалое письмо будетъ совсѣмъ лишнимъ. Послѣ письма изъ Генуи я ни разу не получалъ отъ тебя извѣстій, но, несмотря на это, сегодня опять жду отъ тебя писемъ. Какъ ты путешествуешь? Какія чувства испыталъ ты, въѣзжая въ Парижъ? Вспоминалъ ли меня въ улицѣ Артуа? что говоритъ милая, интересная Пери? была она на седьмомъ небѣ, встрѣтятся съ тобой? помнить ли своего стараго друга? Сколько вопросовъ! И на все это долженъ дать мнѣ положительные отвѣты, не забывая о томъ, что существуютъ другія вещи, которыя мнѣ было бы желательно, хотя и не такъ любопытно узнать.

Сегодня ровно три недѣли, какъ ты уѣхалъ изъ Флоренціи... а я все еще не могу выходить изъ комнаты. Послѣ завтра мнѣ поставятъ мушку, и я буду просить разрѣшенія поѣхать недѣли на три на воды. Въ общемъ я здоровъ и расположеніе духа у меня хорошее. Третьяго дня получилъ изъ Петербурга нѣсколько книгъ, и между прочимъ новое изданіе басенъ Крылова. Дѣйствительно, прекрасное изданіе: на веленовой бумагѣ, хорошія гравюры и великолѣпная печать. Увѣрю тебя, что этой книгой могли бы гордиться и парижскія мастерскія. Въ маленькомъ сборникѣ, въ видѣ календаря, есть много хорошихъ вещей; есть письмо Дельвига о „Святыхъ мѣстахъ,“ которое по содержанію можно сравнить съ путевыми замѣтками Шатобріана. Забавно видѣть въ печати стихи крестьянина Слѣпушкина, но чтеніе ихъ ничего не даетъ. Гагаринъ прислалъ женѣ портретъ Императора, заказанный въ Вѣнѣ, пышную и красивую гравюру; а я жду такого же портрета изъ Петербурга.

Пока довольно, дорогой мой другъ. Отъ всего сердца цѣлую и вручаю тебя Провидѣнію и друзьямъ. Будь здоровъ и пиши поскорѣе,

поскорѣе. Теперь я буду ждать отъ тебя отвѣта изъ Парижа. Но въ будущій вторникъ, въ случаѣ, если не получу отъ тебя никакихъ дальнѣйшихъ указаній, я отправлю свое письмо въ Мадридъ.

Мое почтеніе графинѣ. Цѣлую дѣтей и кланяюсь всему обществу, молодымъ Голицынымъ.

Что подѣлываетъ Марья Михайловна и почтенная Василиса?

Не забыть передать тысячу привѣтствій Мишелю Голицыну, если ты только встрѣчаешься съ ними. Каковы эти стихи для Дельвига?—

Жизнью живою играла она, какъ младость играетъ.
Скоро забыли ее: вѣрно утѣшилась тамъ.

Флоренція, 29 Мая/10 Іюня 1826 года.

Я воскресъ, изумленъ, удивленъ, я восхищенъ, особенно восхищенъ! Пять писемъ послѣ отъѣзда! Если такъ, будетъ продолжаться (даже если и наполовину такъ), то, по пріѣздѣ въ Мадридъ, я воздвигну тебѣ памятникъ. Твое послѣднее письмо было изъ Валлоны,—ты стало быть ужъ 2 Іюня былъ въ Парижѣ! сколько впечатлѣній! сколько удовольствій! Слушай, я охотно извиню тебя, если на первыхъ порахъ ты немножко забудешь обо мнѣ; признаю права Пери, но только ради нея извиню забывчивость *дня на два*. По истеченіи этого срока ты напишешь мнѣ длинное посланіе. Если такъ, то я получу отъ тебя извѣстія самое позднее 16 Іюня. Здоровье мое, дорогой мой, опять пошатнулось и плохо то, что я замѣчаю, что болѣзнь начинаетъ нравственно угнетать меня. Посѣтители, навѣщающіе меня каждое утро, становятся мнѣ въ тягость, мнѣ не хотѣлось бы никого видѣть и ни съ кѣмъ говорить. Врачъ предписываетъ мнѣ движеніе, это меня утомляетъ, и мы грыземся безъ конца.

У насъ живутъ теперь двѣ коронованныя особы: король Вюртембергскій—въ Ливорно, и Баварскій—въ Перуджии. Кн. Павелъ уѣхалъ въ Анкону. Въ Парижѣ вы скоро увидите гр. Остермана-Толстого. *Съ нимъ довольно большая свита*. Герцогъ Луккскій вернулся въ Италію. Я полагаю, довольно съ тебя новостей отъ затворника, не выходящаго изъ своей берлоги, которому по всей вѣроятности придется просидѣть въ ней еще нѣсколько недѣль, если не мѣсяцевъ!...

Вотъ письмо отъ Пери, полученное сегодня утромъ. Оно твое и по справедливости его слѣдуетъ тебѣ переслать. Къ тому же тебѣ будетъ вдвое пріятнѣе прочитать его вмѣстѣ съ нею. Прощай, дорогой другъ, будь здоровъ. Скажи Пери: Erkenntlichkeit und Zutrauer. Мое почтеніе графинѣ, милыхъ дѣтокъ цѣлую.

Р. S. Скажи г-ну Альбини, что его августѣйшій портретъ былъ полученъ послѣ отъѣзда г-на Краузе.—Пакетъ огромный—что съ нимъ теперь дѣлать?

Привѣтствую кузеновъ Голицыныхъ и благодарю Теодора за обѣщаніе прислать Сегюра.

Если встрѣтишь секретаря Флорентійскаго посольства, передай ему отъ меня дружескій привѣтъ.

12/14 Юня 1826 года.

Если бы я еще могъ адресовать это письмо въ Парижъ, дорогой другъ мой, я безъ сомнѣнія началъ бы съ упрековъ. Какъ? до сихъ поръ—никакихъ извѣстій! ты пропустилъ 5 почтовыхъ дней *не давши мнѣ знать о пріѣздѣ*, не сказавъ ни слова о твоёмъ здоровьѣ! Къ счастью благодѣтельница Пери уведомила меня объ этомъ и такимъ образомъ отчасти избавила меня отъ тревоги, но я все таки на тебя сердить. Правда, есть надежда, или, вѣрнѣе, увѣренность въ томъ, что во вторникъ я непременно получу отъ тебя подробныя извѣстія и что это мое письмо придетъ къ тебѣ въ... Мадридъ!—вотъ мои лучшіе утѣшители. Итакъ, не нужно раздражаться, лишъ бы только въ Испаніи дѣло наладилось. *Разъ въ недѣлю*, понимаешь, „Куза“?—и непременно въ опредѣленные дни; я выбралъ субботу, такъ и буду продолжать.

Изъ Москвы я получилъ два письма; первое, помѣченное 26-мъ Апрѣля, отъ тетушки, гдѣ она пишетъ о болѣзни маленькаго Мишеля ребенка Антонины, и объ отчаяніи сестры. Второе письмо, отъ 16 мая, сообщаетъ печальную новость. Бѣдная Антонина! Вотъ что она пишетъ: „Когда тетушка въ послѣдній разъ писала тебѣ, дорогой, Мишель, я, изъ за ужасныхъ волненій за здоровье своего ребенка, могла написать только адресъ, чтобы подать тебѣ хоть признакъ жизни, но теперь, когда послѣ 26 дней волненій, страховъ и роковыхъ надеждъ все окончилось смертью самаго дорогаго для меня существа, моего

нѣжно-любимаго дитяти, я въ нѣсколькихъ строкахъ хочу тебѣ выказать, какъ я тебя люблю и посвятить тебѣ тѣ немногія мгновенія, когда я могу оторваться отъ терзающихъ мою душу воспоминаній. Я здорова, совершенно здорова, но терзаюсь невыразимо.... Передай Дмитрію все, что я тебѣ пишу, потому что это письмо я пишу вамъ обоимъ. Молитесь, молитесь за меня, это все, что осталось для меня и для того, кого я потеряла. Господь да будетъ съ вами. Твоя Катерина здорова.“

Дальше въ письмѣ идутъ приписки тетушки, Пьера, мачехи и Александра. Это показываетъ, что въ тяжелыя минуты всѣ опять объединились—благословимъ Провидѣніе, которое такимъ образомъ поддерживаетъ связь между остатками нашей семьи. Нѣтъ, я не въ силахъ выразить, какое грустное и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжное впечатлѣніе произвело на меня это собраніе приписокъ. Тетушка и Пьеръ въ своихъ письмахъ рассказываютъ съ жаромъ о томъ, какъ заботливо ужасивала за больнымъ и за бѣдной нашей сестрой семья Телѣгиныхъ (Михайла Петровичъ). Поэтому я рѣшилъ немедленно написать ему письмо, и чего бы я не далъ, чтобы имѣть возможность писать его вмѣстѣ съ тобою!—

На дняхъ къ моей сыни присоединилась легкая простуда, и лѣченіе ея прервало лѣченіе подбородка, такъ что я снова *прокаженный*, и Богъ вѣстъ на сколько времени. Право, живя въ прекрасной Италіи, я плохо провожу время, если только не избавлюсь отъ болѣзней въ будущемъ. Какъ тебѣ извѣстно, въ будущемъ, въ извѣстную эпоху (болѣе или менѣе отдаленную) должна рѣшиться моя судьба, это вопросъ всей моей жизни.... и чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ труднѣе рѣшиться. Другъ мнѣ необходимъ—жду твоего письма.

У насъ очень мало новаго. Говорятъ, иллюминація въ Пизѣ удалась на славу, а вчера здѣсь начались празднества въ честь Св. Іоанна. Кн. Боргезе уѣхалъ въ Парижъ и повезъ королю великолѣпный подарокъ отъ папы. Баварскій король возвратился въ свое королевство, а король Вюртембергскій все еще въ Ливорно. Сверчковъ сообщаетъ, что непременно вернется въ Сентябрь. Дай то Богъ!

Прощай, мой ангелъ, будь здоровъ, любимъ, веселись и не скучай въ Мадридѣ.

Помнить ли меня г-нъ д' Убри? Одно время я работалъ подъ его непосредственными указаніями; онъ самъ руководилъ и исправлялъ мои труды.

Флоренція, 19 Іюня/1 Іюля 1826 года.

Ты меня огорчаешь, дорогой мой Дмитрій, даже очень огорчаешь. Вотъ ужъ мѣсяць, какъ ты въ Парижѣ, и не подаешь никакихъ признаковъ жизни. Если ты ждешь подходящаго момента, чтобы сообщить мнѣ *всѣ* подробности, то твой расчетъ невѣренъ, потому что такой большой перерывъ въ нашей перепискѣ меня очень заботитъ и огорчаетъ. Думаешь ли ты, напримѣръ, о томъ, что здоровье моего *лучшаго друга*, занимаетъ меня въ той же степени, какъ и тѣ новости, которыя ты намѣренъ сообщить мнѣ со временемъ? Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы ты могъ такъ думать, а, между прочимъ, что тебѣ стоитъ написать: „дорогой другъ мой, я здоровъ, прощай?“

Прости меня за эти жалобы, мой дорогой, мой чудный другъ. Твое молчаніе производитъ на меня такое сильное впечатлѣніе потому, что я ослабѣлъ отъ болѣзни, а въ моемъ положеніи такъ пріятно было бы получить отъ тебя нѣсколько строкъ! Флоренція опустѣла. Всѣ развѣхались, кто на воды, кто въ деревню. Демидовъ, за послѣдніе дни своего пребыванія во Флоренціи, положительно по дружески ухаживалъ за мною. Изъ Москвы писемъ нѣтъ, кромѣ того послѣдняго, о которомъ я тебѣ сообщалъ. Прощай, несмотря на то, что я поправляюсь, мнѣ запрещено заниматься, а то нездоровье, о которомъ я писалъ, оказалось простой простудой. Отъ души цѣлую тебя. Да благословить тебя Господь.

26 Іюня/8 Іюля 1826 года.

Слава Богу, наконецъ то, дорогой другъ, я получилъ изъ Парижа твое письмо, помѣченное 20-мъ (!) Іюня. Оно требуетъ подробнаго отвѣта, но не буду скрывать, дорогой мой, что я еще слабъ, и слѣдовательно не въ состояніи заняться этимъ теперь. Довольствуйся тѣмъ, дорогой мой, ангель, что мнѣ лучше. Слабость—послѣдствіе всякой болѣзни—не должна тебя тревожить. Прощай. „Обнимаю тебя всею душою.“—

10/22 Іюля 1826 года.

Мнѣ, слава Богу, все лучше и лучше, и черезъ нѣсколько дней я собираюсь поѣхать на недѣлю-другую на воды въ Лукку. Кранъ до сихъ поръ очень хорошо ко мнѣ относится. Слава Богу! Не спра-

шивай меня ни о какихъ новостяхъ, потому что нашъ городъ совсѣмъ опустѣлъ. Одиночество мнѣ наскучило; моя сыпь, лѣченіе которой пришлось прервать въ виду приближенія зимы, очень меня тревожить. Боже мой, если бы я могъ избавиться отъ нея. Передъ отъѣздомъ въ Ливорно г-жа Бутурлина захотѣла непременно повидаться со мной и отнеслась ко мнѣ очень хорошо. Только искренно-ли это?... мнѣ хочется думать, что да. Она сама заговорила о своей сестрѣ и жаловалась на нее. Аннетъ наконецъ вышла замужъ, но дальнѣйшія намѣренія графини никому неизвѣстны. Супругъ по всей вѣроятности увезетъ свою жену въ Ирландію, гдѣ семейная жизнь не такъ дорого стоитъ. Графиня Екатерина Воронцова торжествуетъ. Елена Голицына въ Карлсбадѣ, откуда обѣ дамы поѣдутъ въ Пизу, а потомъ придется устраиваться (мнѣ сдается, что это самое подходящее выраженіе) во Флоренціи. Я очень люблю кн. Елену. Мы часто вспоминаемъ золотыя времена и времена печали, и это наполняетъ жизненную пустоту.

Послѣ тѣхъ двухъ писемъ—отъ 20 и 21 Іюня (по условію, это лишь первые листки обычной переписки), съ тѣхъ поръ—ни единого слова. Между тѣмъ я получилъ ящикъ съ книгами и гравюрами. Книги тѣ, которыя мнѣ были обѣщаны Ѳ. Голицынымъ, но гравюры? Развѣ и имъ я обязанъ тоже ему?—Надежда обманула меня, я не нашелъ въ ящикѣ маленькой записочки отъ тебя, и мои грустныя мысли остались при мнѣ. Посмотримъ, что то принесетъ слѣдующая почта. Вотъ она!—и опять ничего.....

Несмотря на то, что ты такъ меня огорчаешь, я тебя люблю, дорогой мой ангелъ, люблю какъ брата и какъ лучшаго друга. Господь да поможетъ тебѣ. Я молюсь за тебя, а себя вручаю твоимъ молитвамъ.—

Изъ Москвы писемъ нѣтъ.

Флоренція 17/29 Іюля 1826 года.

Повидимому лихорадка не любитъ шутить въ этой странѣ, потому что вотъ уже четыре недѣли, какъ я привѣтствую солнышко только сквозь занавѣси своей постели или черезъ окна (съ утра до ночи закрытыя). Докторъ сулитъ мнѣ всякое благополучіе въ Августѣ мѣсяцѣ; Августъ не за горами, а между тѣмъ и сегодня ноги отказываются мнѣ служить. Чтобы тамъ ни было, я благодарю Бога за то

терпѣніе, которое Онъ мнѣ посылаетъ, чтобы переносить все это. Я одинокъ, какъ сова; меня видятъ только мои слуги, докторъ и священникъ. Немножко похоже на островъ св. Елены. Ха! ха! На водахъ, говорятъ, мало народу, весьма вѣроятно, потому что помѣщенія невообразимо дороги.

Ну какъ же ты поживаешь въ Мадридѣ, мой дорогой, мой нѣжный другъ? Наладились ли твои служебныя отношенія и чайныя знакомства? Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя извѣстій. Г-нъ Сверчковъ дѣлаетъ приготовленія, чтобы возвратиться въ Сентябрь. *Здоровье его совершенно поправилось.* Кто бы могъ это подумать нѣсколько недѣль тому назадъ. Доказательствомъ полного его выздоровленія служить то, что его жена уѣхала въ Карлсбадъ.

Изъ Москвы нѣтъ извѣстій, кромѣ тѣхъ, о которыхъ я тебѣ писалъ. Прощай. Провидѣніе да хранить тебя. Прощай, прощай, дорогой ангель.

Съ 21 Іюня—отъ тебя ни одного слова.....

5 Августа нов. стilia 1826.

Развѣ на настоящаго друга можно было сердиться? Каждый день, лежа въ постели, я сѣтовалъ на твое молчаніе, но какъ только увидѣлъ печать Пери и адресъ, написанный твоей рукой, въ одну минуту все, все забылъ и былъ занятъ только тобою однимъ..... мой ангель! Кто не умилился при звукѣ этого прекраснаго, наивнаго и сердечнаго выраженія. Ахъ, Мишель, въ этотъ тяжелый мигъ я все бы отдалъ за маленькій уголокъ твоей постели, только чтобы быть около тебя, Господь да сохранить такое нѣжное, любящее существо, какъ ты. Я солгалъ бы тебѣ, сказавъ, что лихорадка кончилась, наоборотъ, сегодня утромъ ознобъ былъ еще сильнѣе. На нетерпѣливый вопросъ, который иногда у меня вырывается: *когда я выздоровлю?* докторъ отвѣчаетъ: будьте довольны тѣмъ, что опасность миновала.

Не зная, когда именно ты уѣзжаешь въ Мадридъ, и рассчитывая, что тебѣ не разрѣшатъ прожить въ Парижѣ больше мѣсяца, я 12/24 Іюня отправилъ тебѣ письмо въ *Мадридъ*. Твое послѣднее письмо сбиваетъ меня съ толку, но нѣтъ, это письмо я пошлю все таки въ Мадридъ.

Мы, то есть дипломатическій корпусъ, теперь въ Луккѣ, а я у себя на постели. Съ живѣйшимъ интересомъ жду рѣшенія ареопага, т. е., хочу сказать, совѣщанія, созваннаго Его Величествомъ изъ представителей главнѣйшихъ государствъ. Благодарю тебя, мой ангель, за присланные 550 фр., они покроютъ долгъ въ 600 фр., которыя я занялъ у Краузе. Дядя обращается со мной необыкновенно хорошо, послѣ твоего отъѣзда онъ въ три пріема далъ мнѣ, думаю, тысячи полторы—это Богъ послалъ мнѣ эти деньги, потому что иначе—хоть съ голоду умирай. Два раза въ день—визиты Несполи (4 наполеондера за 20 визитовъ!), столъ, который я держу для того, чтобы ѣли другіе—однимъ словомъ, дорогой мой, ты не можешь себѣ представить, что это такое.

Демидовъ черезъ 20 дней возвращается съ водъ, но я все таки думаю, что другіе тамъ останутся, потому что этимъ лѣтомъ удовольствія на водахъ не прекращаются. Англичане сами устраиваютъ пикники. Англійскій министръ поощряетъ развлечения. Маленькій герцогъ на самомъ дѣлѣ уѣзжаетъ, вотъ еще лишняя, и самая главная потеря для купаній. Прощай, мой ангель, знай, что съ тѣхъ поръ, какъ я заболѣлъ, мнѣ ни разу не приходилось писать такое длинное письмо, я и теперь не сдѣлалъ бы этого, если бы оно не предназначалось тебѣ.

Теперь не время, дорогой мой, отвѣчать на первое твое письмо изъ Парижа, помѣченное 20—21-мъ Іюня, отвѣтъ на него нужно писать со свѣжей головой, но въ немъ есть одно мѣсто, которое нельзя класть подъ сукно, объ этомъ заговорять, даже въ томъ случаѣ, если ты уже уѣхалъ въ Мадридъ, а поэтому я долженъ обсудить его безъ малѣйшаго замедленія.

Вотъ что ты пишешь о Лизѣ. Въ будущемъ постарайся быть смѣлѣе и настойчивѣе въ отношеніяхъ къ этой молодой особѣ..... зачѣмъ?... чтобы потерять ее? Нѣтъ, мой другъ, это нужно сдѣлать иначе; такъ какъ (ты самъ это пишешь въ послѣднемъ своемъ письмѣ) тетушка *окончательно* рѣшила дать только 15 тысячъ франковъ, а для меня это равняется Дантовой надписи, то я постараюсь обращаться съ молодой особой такъ же, какъ и со всѣми остальными. Здѣсь встрѣчается одно очень затруднительное для меня обстоятельство,—ты зналъ, что бракъ невозможенъ, а ухаживалъ за Лизой. Я увѣренъ, что тетушкѣ ты далъ поводъ надѣяться, а она постарается осуществить эту надежду, а такъ какъ она знаетъ, что я далеко, то охлажденіе вполне возможно, вмѣсто всего этого тебѣ слѣдовало бы въ одинъ прекрасный день

откровенно поговорить съ ней объ этомъ, сказавъ, что мы оба отказались отъ этого намѣренія, а я остался бы въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ графиней на все время ея пребыванія здѣсь, чего теперь, конечно, не будетъ—дорогой мой, боюсь, что голова закружится. Прощай.

Флоренція 31 Іюля/12 Августа 1826 года.

Удовлетворенъ ли ты наконецъ моею аккуратностью, достойный другъ мой? Письмо № 11 будетъ отправлено въ субботу. Что меня огорчаетъ, такъ это то, что не будучи въ состояніи разсчитать, сколько времени ты пробудешь въ Парижѣ, я, естественно, посылалъ всѣ свои письма въ Мадридъ, такъ что въ Парижѣ ты сидишь безъ извѣстій отъ меня, а въ Испаніи тебя дожидается цѣлый ворохъ моихъ писемъ. Что подѣлаешь! Въ настоящую минуту, 12 Августа, ты уже навѣрно въ Мадридѣ. Посмотримъ, какъ то наладится теперь наша переписка!

8 Августа я получилъ изъ Москвы письмо, помѣченное 4-мъ Іюля ст. стилиа. Антонина, по обыкновенію, извиняется, что такъ долго не писала! Дѣла Пьера, Поля, лѣнь однихъ и безалаберность другихъ, все это, по ея словамъ, мѣшало ей прочесть письма изъ Италіи. А я отвѣтилъ, что, если ей *никакъ* нельзя написать *два слова* въ теченіе мѣсяца, то вслѣдствіе этого мы получаемъ извѣстія изъ Москвы только благодаря случайности, что весьма печально. Но я все таки буду исполнять свои обѣщанія.

Письмо отъ 4-го Іюля дѣйствительно нелѣпое. Антонина „хнычетъ, что ея мужа послали усмирить 300 мужиковъ.“ Они еще не получили послѣдняго оброка, что еще больше раздражаетъ ее теперь, то я подозреваю, что они уже получены, потому что я поручилъ ихъ Шереметеву, а онъ, взявши ихъ у меня во Флоренціи, возвратился въ Туринъ, чтобы ѣхать гонцомъ въ Петербургъ. Затѣмъ слѣдуетъ обширная статья о Полѣ и о томъ, какъ жалко Дмитрія. Представь себѣ, что они ни откуда не получаютъ денегъ; крестьяне всѣ разбѣжались, и 3 года не даютъ никакого дохода; наконецъ, въ одномъ изъ мелкихъ помѣстій; правительство забрало весь скотъ, чтобы покрыть недоимки въ 500 рублей. А съ капитаномъ дѣло обстоитъ еще хуже, онъ совсѣмъ ничего не получаетъ. Дядѣ Зелецкому онъ задолжалъ 2000 рублей. Таково печальное положеніе моего брата, и когда я подумаю, что и мнѣ предлагали (конечно, люди посторонніе,) нѣчто подобное, меня дрожь про-

бираетъ.... Мнѣ скажутъ, что мои деньги—вѣрныя, но здѣсь умеренность значить то же самое, что у Поля—полное безденежье. Вотъ и все письмо Антонины, дорогой мой.

Если кн. Елена Голицына прїѣдетъ сюда въ Сентябрѣ, нужно ожидать и генерала Аракчеева. Вотъ и всѣ новости, которыя я узналъ, лежа за занавѣсками своей постели. Прощай, мой вѣрный другъ, дорогой мой ангелъ, да хранить тебя Господь Богъ. Кашель уменьшается, но слабость еще очень велика, поэтому я всѣ 24 часа провожу или въ большомъ креслѣ у окна, или въ постели. Прощай. Ты обѣщаль написать изъ Парижа длинное письмо, буду ждать его со слѣдующимъ гонцомъ. К. сказалъ мнѣ, что уже владѣешь испанскимъ языкомъ. Bravo, caro, bravissimo!

16 Сентября 1826 года. Флоренція.

Только что получилъ твое письмо № 2, дорогой мой Дмитрій. Ты имѣешь право жаловаться, но что же подѣлаешь? У каждаго свой жребій, нужно терпѣть. Пери навѣрное напишетъ тебѣ, а это большое утѣшеніе среди мадридской скуки. О себѣ скажу, что я выздоравливаю, но еще слабъ, т. е. не могу ходить. Выздоровленіе затянется на нѣсколько недѣль, а можетъ быть продлится и мѣсяцы.—Какимъ образомъ случилось, что ты не поселился въ Посольствѣ, какъ это должно было быть, по словамъ г-на д' Убри? Ты нанялъ помѣщеніе, велико ли оно, или мало, оно все же должно отнимать у тебя часть 9 т. фр. Ради Бога, настаивай, чтобы тебя помѣстили въ посольствѣ, я сдѣлаю то же самое со Сверчковымъ, когда онъ вернется министромъ. Нужно, чтобы онъ далъ мнѣ 3 комнаты и столъ. Откажетъ ли онъ мнѣ въ этомъ? Это было бы немножко стыдно.

Говорятъ, гр. Мэстръ въ Туринѣ. Богъ знаетъ, прїѣдетъ ли онъ во Флоренцію! К. Елена Голицына поѣхала въ Вѣну, чтобы посовѣтоваться съ Малифатти, откуда она вернется во Флоренцію, чтобы здѣсь устроиться. Екатерина Воронцова вмѣстѣ съ нею; г-жа Бару (Анна) все еще въ Монрелле, и, повидимому, все еще не состарилась. Бѣдная Аннетъ! Здѣсь всѣ убѣждены, что она согрѣшила.... до брака. Бутурлина относится ко мнѣ, какъ къ родному, часто приходитъ ко мнѣ и сидитъ больше часа. Мнѣ кажется, что было бы возможно породниться съ нею, но, признаюсь тебѣ я еще не совсѣмъ рѣшился.

Изъ Москвы нѣтъ извѣстій, кромѣ тѣхъ, о которыхъ я тебѣ сообщалъ. Вотъ два векселя, каждый по 1500 фр.; третій, въ 500 фр.,

подписанъ въ Петербургѣ, его я оставлю здѣсь. Свои деньги изъ Москвы ты навѣрно получишь въ Мадридѣ. Я говорилъ о нихъ Василевскому. Знаешь, мой дорогой, стыдно, что ты до сихъ поръ не написалъ Василевскому. Поторопись.

Прощай, мой ангелъ, мой другъ и братъ; я начинаю уставать, нужно кончать письмо. Пожалуйста, ради Бога, береги свое здоровье, я оцѣнилъ его только теперь два мѣсяца пролежавъ въ постели. Прощай, будь здоровъ.

Написано по русски рукою слуги Петра. 1826 года, Флоренція.

Сентября 23 дня, 14 №.

Любезный другъ. Сегодня осажденъ я былъ цѣлое утро визитами, теперь, когда еще есть время написать къ тебѣ словечко, прихватила меня лихорадка. Въ этомъ положеніи, ты знаешь, нѣтъ возможности чѣмъ либо заняться, а потому почеркъ Петра не долженъ никакъ тебя, мой ангелъ, беспокоить, ни тревожить. Вчера я спалъ шесть часовъ, добрый знакъ, ибо этого давно со мной не бывало. Кашель уменьшился въ треть доли, что подаетъ большую надежду, только слабость еще чрезвычайно велика. Стихи хороши, но потребуютъ прилежной отдѣлки. За симъ прости, мой ангелъ, будь здоровъ и не сѣтуй на Иберій, скучную природу котораго не воспоютъ сѣверные стихи. Прости же, мой другъ. Изъ Москвы, кромѣ послѣднихъ, которыя я тебѣ сообщилъ, извѣстій, не получалъ. Adieu, adieu!

Конецъ.

